

ЗАПИСКИ ПРОТОИЕРЕЯ ІОАННА ВІНОГРАДОВА.

1800—1836 гг.

Посвящено М. И. Платоновой.

Записки придворнаго протоіерея Виноградова занимають три довольно объемистыя тетради въ 8-ю д., и сообщены намъ въ 1874 г. дочерью покойнаго, М. И. Платоновой. Такъ какъ «Записки» эти заключаютъ въ себѣ болѣею частью подробности чисто личнаго и семейнаго характера, то, оставляя значительнѣйшую часть ихъ въ рукописи, мы, соединили здѣсь только такія выдержки, которыя сколько нибудь имѣютъ общій интересъ и значеніе.

Глава первая обнимаетъ воспитаніе І. Виноградова, до окончанія курса въ семинаріи, т. е. съ 1800 до 1819 года, вторая—содержитъ описаніе тѣхъ событій, которыя случились во время службы его въ званіи учителя и діакона, до поступленія въ Гатчино, т. е. съ 1819 по 1826 годъ, и, наконецъ, третья глава—остальное время жизни до 1836 года.

Ред.

I.

Родители Виноградова происходили изъ духовнаго званія и жили въ Старой Ладогѣ болѣе 25-ти лѣтъ. У нихъ было 17 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ три дѣвочки умерли вскорѣ послѣ рожденія. Всѣ дѣти были пристроены благополучно, не смотря на то, что отецъ Виноградова, священникъ, въ теченіи всей своей многолѣтней службы, получалъ «только 40 р. годоваго оклада».

Въ началѣ 1800-хъ гг., родители отдали Виноградова въ ученіе. «По простотѣ тогдашняго времени, — рассказываетъ Виноградовъ, — болѣе же по бѣдности отца моего и по недостатку просвѣщенныхъ людей на моей родинѣ, я отданъ былъ староладожскому мѣщанину Борису Силичу, въ наученіе читать по церковному: ибо еще въ ту пору почиталось ересью читать по гражд-

дански, а духовные люди даже и писали славянскимъ почеркомъ, большею частію. Наставникъ сей былъ старикъ добрый и грамотный между невѣждами ¹⁾: читалъ хорошо, а писать, не помню, умѣлъ ли хорошо. У него-то позналъ я таинственные до того мнѣ знаки: азъ, буки, вѣди и проч., тяжелые и страшные склады: азъ—нашъ—глаголь—есть—ге—люди-еръ—ангелъ! Изучилъ апострофы, кавыки, срокъ, запятую, двоеточіе, прошелъ священный часословъ и, кажется, началъ псалтирь, для продолженія и окончанія которой перевели меня въ высшее училище въ новоладожскому Клишентовскому діакону. По окончаніи псалмовъ Давидовыхъ, я началъ здѣсь писать, или лучше малевать буквы со старинныхъ прописей, которыя весьма далеки были отъ нынѣшняго совершенства каллиграфіи. Въ сіе время, особенно при началѣ ученія, я испытывалъ справедливость словъ: «нужно ангельское терпѣніе и учителю, и ученику, чтобы сложить слово: ангелъ». При обученіи необходимо дѣло безъ плети, лишенія обѣда, земныхъ поклоновъ, стоянія на козлахъ и др. наказаній. Вознагражденіе упомянутымъ педагогамъ было слѣдующее: «діакону платили, кажется, по 7 руб. за выучку псалтиря и писанія, а Борисъ Силичъ бралъ по полутора рубля мѣдью съ души, кажется, тоже не менѣе, какъ за 6 мѣсяцевъ». Въ продолженіи ученія, другія занятія Виноградова, заключались въ разныхъ дѣтскихъ шалостяхъ, въ разсылкахъ на колокольню звонить, въ увачиваньи дѣтей въ ночное время и т. п.

Какъ бы то ни было, но первоначальное воспитаніе кончилось и «приближалось время перерожденія», какъ называетъ автобіографъ свое образованіе въ семинаріи. Передъ поступленіемъ въ нее, отецъ возилъ Виноградова въ Валаамскій монастырь, на Ладожское озеро. Въ продолженіи этого путешествія, они чуть не погибли на Ладожскомъ озерѣ отъ бури, которыя здѣсь такъ часты. Самый монастырь представлялъ, во всѣхъ отношеніяхъ, образецъ монашеской жизни и благочестія. «Замѣ-

¹⁾ «Кто бы повѣрилъ почтенной старинѣ, которую иногда выхваляютъ предъ новыми временами: тогда и въ вѣпросѣ трудно было смыскавъ чернильницу, о бумагахъ и перьяхъ не говори. Я помню, какъ въ судебномъ дѣлѣ священникъ просилъ кабатчика росписаться за неумѣніемъ его грамотѣ. Помню, какъ матери попадали дрались съ мужьями за то, что имъ не хотѣлось отдавать дѣтей въ семинарію».

тить при семъ надобно, — говорится въ воспоминаніяхъ, — что Александръ I посѣтилъ однажды сіе благоговѣнное убѣжище и былъ плѣненъ всѣмъ противоположнымъ тутъ міру и земной суетѣ. Говорили, что онъ пробылъ тутъ около трехъ сутокъ и когда въ первый вечеръ принесли для него пуховикъ, то онъ отвергъ оный, сказавъ: «не хочу покоиться и нѣжиться на мягкомъ ложѣ тамъ, гдѣ святые почивали на каменіи; постелите для меня солому!» И это было исполняемо во дни присутствія его величества. Память сего славнаго посѣщенія ознаменована брилліантовымъ крестомъ, который высочайше пожалованъ всѣмъ безъ изыятія игуменамъ онаго. Вскорѣ послѣ возвращенія съ Валаама, Виноградовъ долженъ былъ отправиться въ С.-Петербургскую семинарію. «На роднѣ моей, — рассказываетъ автобіографъ въ заключеніе воспоминаній о своемъ дѣтствѣ, — много чудесностей, самихъ по себѣ значительныхъ, но разсказами сторожниковъ и преданіемъ стариковъ украшенныхъ. Кому захочется полюбопытствовать, исчисляю ихъ: Въ крѣпости Рюрика найдете тайникъ или подземный ходъ подъ рѣку Волховъ; на дорогѣ къ Новой Ладогѣ увидите высокую сопку, въ коей, говорятъ, по видному и теперь провалу, выкатилась въ рѣку бочка съ золотомъ, которую тотъ поймаетъ, кто можетъ сплести шелковый неводъ; не подалеку отъ оной, на обоихъ берегахъ рѣки представятся вамъ противоположно двѣ часовни съ могилами, на коихъ стояли большіе, неуклюже высѣченныя, безъ надписей, кресты, будто тутъ погребены какіе-то богатыри, убившіе друга друга палицами, не смотря на то, что рѣка въ томъ мѣстѣ шириною около четверти версты; выше по Волхову, за мужскимъ монастыремъ, кровавый ручей, здѣсь во время литовскаго нашествія, я думаю при Баторіи, текло множество крови убитыхъ въ пораженіи; по обоимъ берегамъ нѣсколько сопокъ — мѣста погребенія тѣлъ убитыхъ, которыхъ не зарывали, какъ нынѣ въ землю, но складывали въ кучи и обсыпали землею».

По пріѣздѣ въ Петербургъ и послѣ представленія митрополиту Амвросію, Виноградовъ былъ принятъ въ семинарію ¹⁾ своеюпопечнымъ воспитанниковъ. Сначала ему сильно не хотѣлось учиться; но потомъ «заботливость учителей, примѣры товарищей,

¹⁾ Т. е. собственно въ академію, какъ это видно будетъ ниже.

поощренія и самыя наказанія порождали и усугубляли» въ немъ охоту къ занятіямъ, такъ что скоро онъ сдѣлался хорошимъ воспитанникомъ и «достигъ чиновъ нѣвольныхъ (censor, auditor, prior, senior). Не всякому такъ счастливо удалось пройти поприще ученія, какъ мнѣ,—говорить о. Виноградовъ.—Я миновалъ наказанія ликторскаго (т. е. роговъ), между тѣмъ какъ почти ни одинъ изъ товарищей не избѣгъ сего столь употребительнаго тогда средства въ образованіи юношества духовнаго. Два или три раза поставленъ былъ на колѣни и то за защиту соучениковъ». Выѣстъ съ успѣхами въ ученіи, Виноградовъ заботился объ усовершенствованіи выѣшнихъ приѣмовъ, выговора и т. п. «Мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ,—замѣчаетъ онъ,—что научился я и ходить, и говорить, и стоять по питерски... Старые приѣмы во всемъ я старался повинуть; въ самой походкѣ старался подражать какому нибудь протопоповичу».

Изъ начальствующихъ лицъ въ академіи, въ первое время ученія, замѣчательнъ былъ префектъ ея—архимандритъ Израиль, который былъ въ то же время и намѣстникъ Лавры. «Въ его префектство академисты имѣли всегда прекрасную пищу, присмотръ за поведеніемъ ихъ былъ исправный, чистота соблюдалась въ жилищѣ и въ одѣянніи опрятность, вообще болѣе заботились о физическомъ и о нравственномъ усовершенствованіи юношества. Послѣ Израйла экономія и мораль потерпѣли знатный упадокъ. При немъ академія имѣла своихъ отмѣнныхъ пѣвчихъ, прекраснѣйшихъ музыкантовъ, часто бывали собранія въ залѣ, куда съѣзжались изъ столицы люди знатные и богатые. Самъ митрополитъ Амвросій нерѣдко присутствовалъ на оныхъ... Примѣтить не излишне, что кромѣ строгаго надзора префекта надъ состояніемъ стола нашего, самъ митрополитъ частехонько въ подрясничѣ, въ камилавочкѣ, тихонько заходилъ и въ кухню. Что тутъ дѣлать эконому!»

Въ то время всѣмъ академистамъ давался ежегодно 1-го мая праздникъ, называемый «рекреація». Въ этотъ праздникъ воспитанниковъ раздѣляли на особыя части, въ родѣ ротъ, каждому давалась деревянная шпага, знамена были бумажныя; упомянутыми ротами командовали, заставляли другъ у друга отнимать позиціи и проч., «словомъ дѣйствія сіи похожи были на военныя».

«Въ Александровъ день, 1818 года, Израиль нарядилъ насъ въ новыя, синяго сукна, казакины (родъ сюртуковъ, со стоячимъ воротомъ чернаго бархата, обшиты по оному и по полю краснымъ шнуркомъ), въ башмаки, намазалъ волоса помадою и въ семь убранствъ поставилъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, что отъ собора до келлій митрополита, гдѣ государь Александръ изволилъ проходить съ высочайшею фамиліею послѣ обѣдни. Не поразить ли зрѣлище сіе послѣ простыхъ сельскихъ переменій?... А цесаревичъ Константинъ,—тотъ, посмотрѣвъ на строй студентовъ, сказалъ: «молодцы! всѣхъ бы въ уланы».

«Къ сему времени надобно отнести слѣдующее, въ Старой Ладогѣ, обстоятельство: это странное перевезеніе по сухому пути яхты «Голубка», которую пожаловалъ въ даръ государь Александръ Павловичъ графу Аракчееву. Ее надобно было провести по Волхову до Грузина. Но двинувшись до порога ладожскаго, она остановилась: дно рѣки не позволяло такому судну шествовать. Что было дѣлать? Да и чего не сдѣлали бы для Аракчеева? Крутые берега близъ пороговъ не позволили морякамъ искуснымъ приступить къ необыкновенному явленію. И такъ, спустясь верстъ 8 въ низъ, у деревни Извоза вытащили «Голубку» на отлогій берегъ, поставили на огромныя полозья, устлали дорогу насаленными горбылями и сотъ пять человекъ тянули ее болѣе 12 верстъ, отрубая углы домовъ и часовень, гдѣ оныя шествію сему препятствовали. Наконецъ пушечная пальба увѣдомила жителей, что судно сіе сошло съ берега благополучно. Помнится, въ день двигалось оно не болѣе 60-ти сажень».

По удаленіи изъ академіи Израіля, въ должность ректора вступилъ любезный начальникъ, ученый мужъ, богословъ и физикъ Порфірій, архимандритъ. При немъ (говоритъ автобіографъ) произошла реформа духовныхъ училищъ. Въ самомъ дѣлѣ страннымъ покажется, когда разскажу я: меня отдали въ академію и я считался ея ученикомъ, потомъ сдѣлали семинаристомъ, а послѣ ученикомъ уѣзднаго училища. Въ сіе время начала рождаться новообразованная академія наша, навезли къ намъ студентовъ старыхъ и учителей умныхъ; для бѣльшаго ума явились изъ Москвы платоники: іеродіаконъ Филаретъ, игуменъ Иннокентій—свѣтильники церкви русской. Два мужа сіи были образователями и насадителями, и первыми трудолюбивыми

дѣлателями новаго духовнаго расадника, изъ коего теперь исходятъ служители отечеству и церкви полезнѣйшіе». На первыхъ порахъ новообразованной академіи произошелъ такой случай: «студенты пошумѣли за пищу съ инспекторомъ-экономомъ». Вслѣдствіе этого одни изъ зачинщиковъ шума, были «отданы въ солдаты безъ выслуги», другіе— «навсегда въ дьячки. Митрополитъ Амвросій сильно оскорбленъ былъ такимъ оборотомъ дѣла противу студентовъ и академіи».

Черезъ два года послѣ того, т. е. въ 1811 году (?) старшій братъ Виноградова, священникъ артиллерійскаго госпиталя, «пошелъ въ походъ съ петербургскимъ ополченіемъ». Виноградовъ проводилъ брата съ глубокою скорбію, такъ какъ онъ помогалъ ему не только во всемъ матеріально, но и руководилъ имъ въ умственно-нравственномъ развитіи. По этому понятно, что извѣстія отъ брата были крайне желательны и пріятны. «Письма отъ него,—говоритъ автобіографъ,—проливали отраду въ сердца моемъ: помнится, были онѣ изъ Полоцка, Юрбурга, Кенигсберга, Данцига. Которое-то изъ нихъ было писано на гербовой наполеоновской бумагѣ; письмо обрадовало, но бумага ввела насъ въ печаль и отчаяніе—мы подумали, что братъ въ плѣну, не внимая закону войны, что плѣнные не имѣютъ сей отрады до размѣна». Но, напрасно плакали мы о братѣ; не брата потерю чужло боязливое сердце; дома носилась надъ нами грозная туча: батюшка хворалъ и неизлѣчимо». Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ ритора Виноградова (онъ былъ въ это время въ риторикѣ) домой, въ Старую Ладугу, отецъ его скончался. Положеніе оставшихся членовъ семейства было въ высшей степени печально: по случаю продолжительной болѣзни покойнаго домашнее хозяйство разстроилось; были долги; а въ наличности оставалось 6 коп., вдова и четверо дѣтей. Въ числѣ послѣднихъ была дочь, взрослая дѣвушка; ее просватали за одного студента семинаріи, который долженъ былъ заступить священническое мѣсто покойнаго. Скоро, при содѣйствіи нѣкоторыхъ благотворителей и при денежной помощи брата Виноградова, бывшаго въ походѣ, сыграли свадьбу. «Такимъ образомъ, говорится въ воспоминаніяхъ, совершилось въ домѣ нашемъ два противоположныя одно другому происшествія и почти въ теченіе 10-ти дней: погребеніе родителя и бракъ сестры. Сія послѣдняя статья, хотя сдѣлана противу обычая

нашей родины, но съ благословенія и даже по приказанію умершаго. Да не знаю—исполненіе обычаевъ не есть-ли принадлежность довольства и богатства? Кажется, тамъ нѣтъ мѣста этимъ причудамъ челоувѣчества, гдѣ царствуетъ нужда, которой служители приличій не видали и не вѣдаютъ. При обоихъ случаяхъ мы съ братомъ (среднимъ) были дома и просрочили. Позднее прибытіе братьевъ въ семинарію вызвало суровыя замѣчанія со стороны «добрѣйшаго и приснопамятнаго ректора Иннокентія», который былъ въ это время вмѣсто Порфирія».

Разнеслась вѣсть о приближеніи ополченія 1812 г. къ Петербургу. Виноградовъ не утерпѣлъ и отправился на Петергофскую дорогу встрѣтить любимаго брата. Однако же здѣсь онъ его не засталъ, а встрѣтилъ его уже на Исакиевской площади, гдѣ у собора происходило приготовленіе къ торжественной встрѣчѣ ополченія. Собраніе было многочисленное, митрополитъ съ духовными, военныя, гражданскіе чины и все въ движеніи ожидало ратниковъ отечества. Напослѣдокъ приблизилось, но что? Частица той огромной массы народа, которая за два передъ симъ года двинулась противу непріятелей. Устроились около собора и приготовились къ молебствію....

Бѣжавши за братомъ отъ Ульянки, мимоходомъ примѣтили мы, что многіе ополченныя офицеры возвращались въ крайней бѣдности. Я видѣлъ офицеровъ въ рваныхъ сюртукахъ, въ неприличной и не цѣлой обуви,—и сіи бѣдные добровольные воины, можетъ быть, въ ранахъ, для укрытія себя отъ стыда, шли по сторонамъ дороги, опушкою лѣса. Сколько тутъ представлялось картинъ и радости, и неутѣшной скорби! Тѣ, срѣтаясь съ родными возвратившимися, обнимались, лобызались, не помнили отъ внутренняго утѣшенія. Другіе, идучи срѣтить, не находили жданныхъ, и, узнавъ о смерти ихъ, предавались стѣнанію и воплями своими оглашали воздухъ. Въ томъ и другомъ случаѣ и постороннему зрителю невозможно было равнодушно переносить сцены сіи!...

Въ бытность Виноградова уже въ богословскомъ классѣ семинаріи митрополитъ Амвросій оставилъ каеедру и на его мѣсто поступилъ митрополитъ Михаилъ, а чрезъ нѣсколько времени послѣ этого, удаленъ былъ отъ должности ректора уважаемый Иннокентій. «Давно хотѣлъ онъ,—разсказываетъ Виноградовъ, воевать противу массоновъ и надѣялся остаться по-

бѣдителемъ, будучи увѣренъ въ чистотѣ ученія своего и святости своего замысла. Мы видѣли все сіе изъ открытыхъ его словъ въ классѣ. Открылся случай и по его сердцу. Нѣкто Станевичъ издалъ книгу: «плачь матери» и проч. Описалъ въ оной нестроенія и заразу, кои вносятъ Западная церковь въ Восточную и разительнo изобразилъ жалкое состояніе православія. Поборникъ вѣры не долго думалъ и рѣшилъ, какъ цензоръ: «печатать позволяется»,—непредвидя хитростей эхидны, давно уже зіяющей противъ него злобою за смѣлыя его выходы, и не соразмѣряя силъ своихъ съ могуществомъ множества знатныхъ, покровительствовавшихъ массонамъ. Книга вышла въ свѣтъ съ разрѣшенія Иннокентія, и вышла скоро, между тѣмъ, какъ около пяти лѣтъ Станевичъ ходилъ съ нею по Москвѣ и Питеру, и ни тамъ, ни здѣсь цензора не позволяли ее обнародовать. Возсталъ массонское общество противъ смѣлаго цензора и дерзкаго сочинителя; обвинили ихъ въ нарушеніи мира церкви; донесли и рѣшено: сочинитель сосланъ, цензоръ удаленъ отъ должности, яко возмутитель церковнаго спокойствія. Что-то тутъ послѣ происходило тайно; потомъ назначили Иннокентія епископомъ Пензенскимъ и Саратовскимъ, вѣроятно по ходатайству вельможъ, его уважавшихъ.... Въ одинъ день приходитъ онъ въ классъ въ примѣтномъ смущеніи, въ необыкновенномъ парадѣ, со всѣми орденами и крестами, и, окончивъ членъ (membregum) тогдашнимъ урокомъ, сквозь слезы связалъ намъ: «симъ членомъ ованчиваются мои уроки; новаго члена начинать не буду, чтобы не оставить головы безъ туловища». Мы остолебѣли отъ словъ его; страхъ и отчаяніе овладѣли нами; слезы полились у всѣхъ горькія. Примѣтя все сіе, Иннокентій продолжалъ къ намъ: «да, братцы! учитесь терпѣнію,—я примѣръ вамъ. Если любите меня, благодарите Господа, что меня удаляютъ, но епископомъ; а по доносу долженъ былъ лишиться званія». Въ день его отъѣзда всѣ мы—студенты богословія пошли къ нему проститься, получить благословеніе и посмотрѣть на него, увы! въ послѣдній на землѣ разъ. Цѣлуясь съ каждымъ изъ насъ искренне и братски, «прощайте,—говорилъ онъ,—прощайте; братцы! Не поминайте лихомъ собаку (?) Иннокентія! Да возьмите на память отъ меня по подарку». Съ сими словами вынесъ каждому по нѣскольку книгъ, присказавъ про свои сочиненія: «когда сочините лучше, сожгите

сія негодныя». Два мѣсяца не болѣе жилъ онъ на епархіи. Смерть пресѣкла златые дни его, ко всегдашнему воспоминанію церкви и въ вѣчную укоризну мірской кривды.... Ибо что послѣ случилось? Годъ одинъ прошелъ послѣ блаженной кончины его, какъ Станевича, яко невиннаго автора, возвратили въ отечество, книгу, за которую пострадалъ праведный цензоръ, напечатали, яко полезную церкви и пустили во всеобщее употребленіе¹⁾.

Послѣ Иннокентія ректоромъ назначенъ былъ архимандритъ Поликарпъ, при которомъ «кончилось ученое въ семинаріи поприще.» Но для Виноградова кончилось оно не совсѣмъ благополучно. Дѣло въ томъ, что прежде, во время экзаменовъ, воспитанниковъ спрашивали по билетамъ и каждый могъ обдумать напередъ свой отвѣтъ. На послѣднемъ же выпускномъ экзаменѣ поступлено было иначе. Митрополитъ Михаилъ, присутствовавшій на экзаменѣ, руководствуясь только краткимъ конспектомъ, задавалъ столь общіе вопросы, что на нихъ приходилось «читать цѣлую часть богословія.» «Такъ и мы.—разсказываетъ автобіографъ, — въ удѣлъ досталось *de angelis*. И сіи *angeli boni et mali* перерядили меня изъ перваго, въ которомъ былъ у Иннокентія, во второй разрядъ.» Второразряднымъ воспитанникомъ онъ и закончилъ курсъ.

«Признаюсь, заканчиваетъ авторъ свои воспоминанія о семинарской жизни, я много, весьма много обязанъ семинаріи. Благодарность заставляетъ молчать о чемъ нибудь на счетъ ея обидномъ. Но цѣль моя—воспоминаніе не запрещаетъ описывать и черную и бѣлую стороны. А потому скажу, что знаю, что замѣтилъ. Въ семинаріи, какъ и въ другихъ заведеніяхъ, три разные предмета встрѣчаются, на которые начальство должно обращать особенное свое вниманіе: нравственность, наука и экономія.

¹⁾ Вотъ одинъ случай бывшій съ Иннокентіемъ. Однажды Иннокентій съ Филаретомъ возвращались въ комнаты перваго; Иванъ (юродивый изъ инвалидовъ, брадобрѣй студентовъ) взявъ штофъ сивухи, которую употреблялъ иногда не умѣренно, сталъ въ дверяхъ, гдѣ должно было идти снѣгъ знаменитымъ мужамъ, поднялъ штофъ и закричалъ: «два дурака въ одни ворота!» Снѣгъ поступкомъ такъ разсерженъ былъ Иннокентій, что разбилъ штофъ и хотѣлъ непременно наказать грубаго солдата. Но что сдѣлалъ юродъ? Онъ наръзалъ прощаль прутьевъ и принесъ къ Иннокентію, когда сей былъ уже въ спокойномъ расположеніи духа, сказавъ: «На, сѣки, да знай, что здѣсь мало лѣсу, чтобы меня достойно за грѣхи наказать. Но бей, пожалуй, только не гнѣвайся». Иннокентій простилъ его.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи были въ дни наши сіи значительныя и достойныя вниманія обстоятельства.

«Мораль. Правда, безъ умолку кричатъ наставники во услышеніе питомцевъ: начало премудрости есть страхъ Господень! Въ злохудожную душу не внидетъ премудрость. Но какъ далеки отъ достиженія сей прекраснѣйшей цѣли средства, ими употребляемыя. Они приучаютъ любить добродѣтель не увѣщаніями трогательными и описаніемъ красотъ ея, но только страхомъ наказанія. И что пользы отъ сей неумѣстной палки на поприщѣ благочестія? Извѣстно, что рабъ не сынъ. Водясь страхомъ неключимаго раба, мы не только во младенчествѣ дѣлаемся рабами, но и въ жизни и службѣ—навсегда, касательно своихъ начальниковъ. Чрезъ сей значительный недостатокъ сколько теряетъ священникъ русской церкви, при всей своей образованности, предъ какимъ нибудь финскимъ или лютеранскимъ!... Въ самомъ свѣтскомъ быту не много и немногіе выгадали наши, которымъ вздумалось въ кругу смѣлыхъ и оборотливыхъ смиренничать по монашески. Въ самомъ дѣлѣ, эта слабость у насъ величается названіемъ смиренія. Низко кланяться, робѣть, трестись отъ страха предъ лицомъ ректора или инспектора, отвѣчать имъ не смѣло — вотъ признаки сей вредной добродѣтели. Теперь я не могу надивиться деспотизму семинарскому, когда узналъ корпуса и кадетовъ. Здѣсь не видалъ и, надѣюсь, не увижу никогда сему подобнаго. Кадетъ или питомецъ, видя начальника, отдаетъ ему честь должную, по говоритъ ему, какъ отцу, о своихъ нуждахъ прямо и смѣло, — здѣсь я вижу, что учащійся не забываетъ, что онъ человѣкъ. Не скажу, что въ корпусахъ все святость, да правда. Нѣтъ. И тутъ не безъ грѣховъ, — но мѣры къ истребленію другія, лучшія, благороднѣйшія и дѣйствительнѣйшія. Слыхалъ я, какъ какой нибудь генералъ въ звѣздахъ и крестахъ начнетъ выставять вредъ шалостей и пользу благонравія; право, другому доктору богословія, со всею огромною теорією, и въ голову не пришло бы такое сильное поученіе! Св. внокамъ довольно, кажется, что они носятъ имя попечителей нравственности, довольно что могутъ при семъ и пожить въ свое удовольствіе, и какъ имъ хочется. Невольно, а спросишь послѣ сего: сіи начальники не суть ли наемники, имъ же овцы не своя? Имѣя мало дѣла, и важнѣйшій своего званія предметъ

нравственность врученныхъ имъ дѣтей считаютъ они лишнимъ, или маловажнымъ. Отъ сего то небреженія что дѣлается съ тѣми, кои обречены на санъ священный съ дѣтства? Невинные, въ теченіе 6 или 7 лѣтъ, послѣ надзора родительскаго, чѣмъ становятся они въ училищѣ благочестія? Боже! Морозъ простирается по тѣлу, когда представляю себѣ прошедшее!...

«Науки. Извѣстно, что въ семинаріи преподаются науки, для духовнаго званія необходимыя. Учатъ здѣсь хорошо, основательно. Родила и она много людей отечеству и церкви полезныхъ. Способъ преподаванія все еще старѣй, исключая *obiectiones et defensiones*, которыми въ древности не только во время М. В. Ломоносова, но и въ 1807 году заставляли наполнять публичныя испытанія, а посѣтителей сидѣть и глядѣть на ученую брань. Схоластизмъ не вывелся. Богъ знаетъ не умѣютъ, или не хотятъ монахи передавать познаній своихъ? Кажется, они не нѣмцы, симъ только странникамъ на землѣ русской сродно таить отъ учениковъ своихъ многое, дабы не остаться имъ въ ней впослѣдствіи безъ куска и пріюта. Можетъ быть и правы: поелику ихъ самихъ такъ учили. Слава Богу! съ тѣхъ поръ, какъ ввелось новое образованіе по части духовной, покрайней мѣрѣ, примѣтно прекращаются варварства въ наказаніяхъ учащихся. Право, безъ ужаса и омерзѣнія нельзя вспомнить, какъ жестоко казнили ученика за еггогъ въ склоненіи.

«Экономія. Въ наше время часть сія столько же была худа, сколько совершенна и хороша при Израилѣ. Непонятно, отъ чего и отъ кого произошелъ такой упадокъ оной. Положеніе отъ казны было увеличено, оклады съ своекоштныхъ возвышены, а столовая и кухня были весьма въ непріятномъ тонѣ: неопрятность, дурной вкусъ, качество дешевыхъ и порченныхъ припасовъ—отличали оныя; все дурно, худо, чуть не скверно. Посмотрѣлъ бы кто на одѣяніе семинариста-студента, удивился бы убранству его. Мухоморовой сюртукъ, шляпа кожаная, сапоги повисшія, штаны и куртка толстаго сѣраго сукна, очень похожія на уборъ тогдашнихъ будочниковъ—вотъ что украшало наружность нашу! Сюртукъ суконный только походилъ кое на что. О ближайшемъ же къ тѣлу, сиречь о бѣльѣ и говорить нечего. Если было цѣло оное, то такъ тонко и такъ нѣжно, какъ холстъ, что у добрыхъ людей по поламъ разстиляется. О поношенномъ же скажу только:

часто въ банѣ видишь, какъ иной казеннокоштный студентъ какія нибудь доскутки на тесемкѣ опоясываетъ кругомъ себя. Сознаюсь, что, пришедъ въ возрастъ, часто съ завистію глядѣли мы на слугъ богатыхъ господъ, одѣтыхъ лучше каждаго изъ насъ. Кажется, здѣсь нѣтъ мѣста пословицъ: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ! Да, умъ дѣло скрытое... Но пословицу сію приводили намъ въ нравоученіе тѣ, кои одѣваются богато, не какъ отшельники міра сего; равно какъ о пощеніи и воздержаніи говорили часто намъ, а сами всегда ѣдятъ и пьютъ лучше, нежели міране, и даже во дни поста великаго, держа питомцевъ на сухоядніи, сами пятаются стерлядьми и шампанскимъ. *Deus sit cum illis.*

«Такимъ образомъ, униженное состояніе по наружности и убитый рабствомъ духъ—не были причиною добра будущаго. Не касаясь многого, себя разсматриваю... А товарищи? У насъ порокъ гнуснѣйшій *Sobrietas*—былъ въ похвальбѣ. *Qui plus bibat*, молодець,—какъ въ древности у Грековъ, во времена варварства и геройскихъ подвиговъ! *De sauronis, de... taseo.* И это—то дѣется подъ надзоромъ святыхъ въ мірѣ ангеловъ! Господи! сколько потеряно тутъ первой младенческой доброты!... Но я по гробъ мой соблюду мою благодарность къ семинаріи, которая, конечно, не виновна въ такомъ превращеніи. Ибо почему же она не имѣла сихъ бѣдъ при Израилѣ? Почему Иннокентій умѣлъ употреблять мѣры сильныя въ истребленію золъ подобныхъ? Теперь, (1836 г.) говорятъ, все улучшилось. Но кто придумалъ, кто изъ монаховъ озаботился переменою? Никто. Самъ царь-батюшка узналъ, послалъ, велѣлъ.»

II.

Вскорѣ по окончаніи курса, Виноградовъ назначенъ былъ учителемъ въ ябургское уѣздное училище; при этомъ ему выдано было изъ казны 50 р. «на обзаведеніе». Сборы въ дорогу были не продолжительны: «кромѣ скуднаго гардероба, я взялъ,—говоритъ автобіографъ—мои шпаргалы, мои книжечки, да сообразуясь съ назначеніемъ мнѣ учительской должности, у знакомыхъ и друзей выпросилъ географію, ватихизисъ пространный Платона, *Cornelium Nepotem* и прочей учебной рухляди. Груст-

но было разставаться съ семинаріей и товарищами, съ которыми 12 лѣтъ слишкомъ проведены въ дружбѣ, ссорахъ, занятіяхъ, забавахъ, секретяхъ единодушныхъ.»

По приѣздѣ въ Ямбургъ, новоопредѣленный учитель встрѣченъ былъ радушно и ласково ректоромъ училища. «Послѣдній, былъ не изъ ученыхъ, но опытомъ умудренъ, аккуратенъ во всѣхъ дѣлахъ, скромнъ и воздерженъ отъ пустословія, благодѣтеленъ и милосердъ къ проступкамъ подчиненныхъ. Въ 37 лѣтъ правленія его уѣздомъ симъ не было въ консисторіи 37 дѣлъ по оному. Какая рѣдкая черта. Ночевали въ ассигнованныхъ квартирахъ, въ большомъ училищномъ домѣ, противу фабриканта Лоба, которыя послѣ и скоро перемѣнены, по указу государя,¹⁾ въ новый и прекрасный домъ, собственно для училища духовнаго.»

Придя въ классъ, новый учитель замѣтилъ въ числѣ учениковъ довольно пожилаго человѣка, съ бородкою. «Еще невѣжество противляется благотворнымъ мѣрамъ просвѣщенія, — замѣчаетъ по этому случаю автобіографъ, — и сіи бѣдные, полустарые дѣти чрезъ полицію выведены изъ тѣмъ домохѣдства въ свѣтъ ямбургскаго образованія, чтобы постигнуть тутъ премудрость чтенія и пѣнія, а чрезъ сіе не быть извергнутыми изъ своего званія и взятыми властью гражданской въ военную службу. Такое добро не пахнетъ для солдатства добродѣтельствомъ властей духовныхъ.» Виноградовъ былъ законоучителемъ, преподавалъ географію, латинскій языкъ и занималъ должность библіотекаря; жалованья получалъ 400 руб. въ годъ. Впрочемъ, денежные средства его скоро увеличились, такъ какъ онъ, по случаю трехъ сказанныхъ имъ проповѣдей, «успѣлъ снискать расположенность у первостепенныхъ города Ямбурга», — и вслѣдствіе этого, получилъ нѣсколько частныхъ уроковъ. При всемъ томъ, скромное хозяйство Виноградова какъ-то не клеилось: расходу и хлопотъ много, а толку мало... «Неудобство сіе, замѣчаетъ автобіографъ, — и напрасное хлопотанье о необходимости, и частыя неудовольствія заставили помянуть русскую пословицу: люди для щей женятся.» Виноградовъ женился.

¹⁾ «Замѣчательно, что когда Лобъ просилъ государя Александра объ освобожденіи того дома отъ училища для занятія фабрикою, его величество написалъ: «фабрикъ у меня много, а училищъ мало; училища доставляютъ достойныхъ церкви пастырей, а безъ фабрикъ можно обойтись.» I. В

Вспоминая о жизни въ Ямбургѣ, Виноградовъ указываетъ на нѣкоего Кошкина. «Старикъ Яковъ М.... Кошкинъ привилегированный механикъ, золотой медали на шеѣ кавалеръ, лицо замѣчательное. Родомъ онъ изъ Олонца, ремесломъ по началу плотникъ. Сдѣлавъ первый столярной работы ящичекъ швейный для какой-то купчихи, получилъ за оный мѣдными пятаками 25 коп. Съ симъ богатствомъ онъ началъ жить, нажилъ себѣ домовъ семь, между коими два были каменные въ столицѣ, прочіе деревянные, но при мельницахъ—его занятія. Медаль и званіе получилъ онъ случаемъ, въ коемъ открылись его отличные таланты—именно: когда въ александровской мануфактурѣ иностранцы предполагали устроить новыя машины и на сей случай пожаловала государыня Марія Ѳеодоровна, то Кошкинъ, бывшій въ артели у подрядчика плотникомъ, узнавъ о совѣтѣ семь, побѣждалъ въ собраніе; его не пускали; онъ началъ толкаться и наконецъ закричалъ: «Матушка! тебя обманываютъ!» государыня велѣла его допустить, выслушала его резоны, подала ему руку, а онъ, вмѣсто того, чтобы лобызать оную, сжалъ своею рукою; ея величество приказала объяснить ему, какъ бы поправить машину, которую предполагали передѣлать, что составляло около 100-т. рублей издержки. Кошкинъ, при ней же, пошелъ, поправилъ винты и что находилъ нужнымъ—машина двинулась. Огорченная обманами государыня потрепала его по плечу, назвавъ механикомъ и присовокупивъ, что она поручаетъ ему дѣлать другую новую машину. Все это Кошкинъ сказывалъ мнѣ самъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать; но всегда лучше и прочнѣе строилъ мельницы и машины, нежели «ученые дураки», какъ онъ именовать сыновей своихъ—механиковъ. Если что хотѣлъ имѣть онъ въ памяти, то писалъ въ биркахъ: это было его про memoria.»

Небезынтересенъ также и слѣдующій рассказъ Виноградова: «отецъ Александры Максимовны Медвѣдовой—близкой родственницы моей жены,—былъ офиціантомъ при дворѣ Екатерины II. Въ его дежурство учинилась пропажа нѣсколькихъ серебрянныхъ сервизовъ, и бѣдный дѣдъ (послѣ мой былъ), котораго я видывалъ, разжалованъ въ солдаты, лишившись всего своего имѣнія, которое записали въ казну. Семейство пришло въ крайность. Однажды сынъ дѣда—мальчикъ, самъ-ли, или посланъ кѣмъ изъ домашнихъ, взявъ kota, пошелъ продать его на рынокъ, чтобы хотя

немного купить хлѣба. Ему встрѣтился баринъ, спросилъ его—куда и зачѣмъ несетъ онъ kota? Узнавъ же цѣль путешествія малютки и все, взялъ его къ себѣ, привелъ и куда? въ зимній дворецъ. А кто былъ баринъ? императоръ Александръ! За kota дано 25 руб., генераль-адъютантъ посланъ въ квартиру бѣдности для освидѣтельствванія;—послѣ семейство призрѣно, а продававшій kota, за бойкость и расторопность предъ государемъ, принятъ въ придворную службу.»

Послѣ трехъ-лѣтняго учительства въ Ямбургѣ, Виноградовъ опредѣленъ былъ діакonomъ къ Андреевской церкви, на Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ.

Въ 1823 году Виноградовъ имѣлъ случай познакомиться съ В. Е. Клоповымъ, который доставилъ ему потомъ учительское мѣсто въ Горномъ корпусѣ, съ жалованьемъ по 250 руб. въ годъ за преподаваніе свящ. исторіи. «Клоповъ былъ преобразователемъ всего хода учености въ Горномъ корпусѣ. Онъ основалъ новый прекрасный порядокъ по сей части, самъ избирая и учителей, вмѣсто бывшихъ староманерныхъ.»

«1824 года марта 18-го. Получилъ я еще кондичіи во вновь открытой Горнозаводской школѣ, основанной графиней Софьей Владиміровной Строгоновой. При открытіи говорилъ я рѣчь, которая напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина.» Въ упомянутой школѣ Виноградовъ получалъ жалованья по 600 руб., а въ корпусѣ, съ августа мѣсяца, въ званіи законоучителя, по 1,200 руб.

«Къ сему времени отнести должно изданіе двухъ указовъ: первый изъ нихъ былъ о небритіи усовъ духовенству; второй касательно платья и одѣянія женъ и дѣтей духовныхъ. Оба по настоянію митрополита Серафима.»

«Ноября 7-го того же 1824 года, въ началѣ 12-го часа по полуночи, долготерпѣливый, но праведный Богъ, посѣтилъ Петербургъ, а паче нашъ островъ неслыханнымъ наводненіемъ. Кратко было оное; но ужасно и гибельно. Съ означеннаго часа до двухъ по полудни вода, вышедшая изъ береговъ своихъ за день ранѣе, лилась быстро и обильнымъ потокомъ во дворы, по улицамъ, въ нижніе этажи, и покрыла весь островъ на весьма высокую мѣру. У насъ, въ соборномъ дворѣ, было оной до цѣлой печатной сажени: между тѣмъ, какъ 1747-го года наводненіе помнилъ

шіе увѣряли, что тогда въ семь дворѣ воды было менѣе $\frac{1}{4}$ аршина. Комнаты нижняго этажа, гдѣ я квартировалъ были залиты оною до двухъ аршинъ; въ обоихъ церквахъ полы покрыты были вершковъ на 5. Правду сказать, ужасно и вспомнить о семъ событіи. Какъ съ горы вода катилась во всѣ мѣста, — большія барки съ грузомъ своимъ плыли по проспектамъ острова, дрова и бревна очень скоро наполнили дворы, — лошади тонули съ упряжью и экипажами, куры, коровы — все гибло въ сіи страшныя минуты; а люди, не успѣвшіе укрыться куда нибудь, цѣплялись по проспектамъ за вѣтви деревъ и висѣли, пока могли, а тамъ или, при помощи, спасались, или падали въ воду. Двѣ лошади выпяженные приплыли къ намъ во дворъ; долго плавали по оному и наконецъ какимъ-то инстинктомъ попали на довольно высокое церковное крыльцо и тутъ нашли исцѣляющее спасеніе. Корова, вѣроятно, желая спастись отъ смерти, подымалась на высокое сквозное крыльцо; но вода залила сіе бѣдное животное, морозъ окостенилъ ее и въ такомъ положеніи я видѣлъ ее висящую. Дома и колокольни были наполнены застигнутыми водою. Добрые жители острова, на проспектахъ жившіе, выкидывали изъ оконъ веревки и втаскивали погибавшихъ.

«Вода оставила по себѣ много странныхъ и смѣшныхъ слѣдовъ своего посѣщенія, не говоря о плачевныхъ и достойныхъ сожалѣнія. Напримѣръ: всѣ книги мои, брошенныя въ торопяхъ на кухонную печь, съ сею печью упали въ воду, только библія, въ четырехъ томахъ, раскиданная по разнымъ мѣстамъ сей печи, уцѣлѣла, какъ бы на устроенныхъ для каждаго тома столбикахъ. Ломберный столъ — выѣхалъ изъ зала черезъ три комнаты въ спальню, съ салфеткою, которая какъ-то въ безпорядкѣ на немъ лежала, но не мокрая; а бочка съ квасомъ изъ закрытаго подпола, выплывъ въ цѣлости, угнѣздилась въ спальнѣ на кровати! У меня и вездѣ печи попадали отъ воды, но только тѣ, которыя въ тотъ день были топлены.

«На третій день послѣ наводненія сердце мое повлекло меня въ 17-ю линію и ея окрестности. Тамъ я видѣлъ добрѣйшаго императора — утѣшителя несчастныхъ подданныхъ и съ нимъ графа Мих. Андр. Милорадовича. Послѣдній спросилъ у меня: «что батюшка! отпѣвать кого пришли?» «Я пришелъ, в. с. — во, поплакать о участи согражданъ», — отвѣчалъ я. «Да, и мы затѣмъ

же пришли съ государемъ», кончилъ Милорадовичъ—и оба поднялись они по линіи на превысокую дровяную гору, пробираясь по среднему проспекту. Не могу и теперь безъ слезъ рассказывать плачевныхъ картинъ, водою начертанныхъ. Улица у 17-й линіи, направо, идущая къ смоленскому кладбищу, наполнена была могильными крестами, которые водою снесены съ своихъ мѣстъ сюда. Не по далеку отъ сихъ могильныхъ памятниковъ подошелъ я къ преширокому черному гробу: плачущая при немъ женщина стала просить меня отпѣть покойницъ, на что я извинился ей моимъ саномъ діакона; напоследокъ она раскрыла гробъ, и что представилось очамъ моимъ, мало зрѣвшимъ отъ множества слезъ? Довольно пожилая мать съ дочерью, зрѣлыхъ лѣтъ дѣвицею, одѣтыя въ шелковые зеленаго цвѣта капоты, руками и ногами крѣпко обнявшіяся, лицомъ къ лицу! Ихъ такъ нашли въ лодкѣ, въ 17-й линіи; а домъ, гдѣ жили онѣ, изъ 21-й линіи переплылъ въ 14-ю. По сей линіи вообще у каждаго дома почти готово было домовище (гробъ); ибо каждый почти домъ вмѣщалъ въ себѣ мертвеца, или извлеченнаго изъ развалинъ, или только освобожденнаго оттуда. Другія линіи были также непроходимы отъ нанесенныхъ домовъ, барокъ, бревенъ, дровъ и проч. Недѣли времени и тысячи людей нужны были, чтобы очистить и привести въ порядокъ нашъ островъ... О Васильевскій островъ! я сказываю только частицу. Прочіе предметы горести сокрыты были отъ взора моего, да и недостало бы силы описывать все. Бѣдная гавань, Черная рѣчка, Чекуши—что потеряли! Дѣти, отцы, матери, кровные, сосѣди—они передадутъ потомству неописуемая утраты».

«Можно ли при семъ съ душевною благодарностію не вспомнить о милосердіи государя Александра? Не говоря о томъ, что онъ личностію своею утѣшалъ несчастныхъ, въ самую грозу переплывъ Неву и жилъ на островѣ около четырехъ сутокъ; по мановеніи его явились средства къ облегченію участи разорившихся. Паперти церковныя сдѣлались мѣстомъ раздаянія царевой милостыни, у насъ на острову открылись дома для пріюта и питанія; Адмиралтейская сторона безостановочно подавала заневской сторонѣ хлѣбъ и другіе припасы; устроились комитеты. Родительница Александра I-го мать всѣхъ бѣдныхъ—императрица Марія—открыла новыя убожища подъ кровомъ своимъ для воспитанія дѣтей, потерявшихъ въ наводненіи родителей или воспатателей.

«Прибавлю нѣсколько анекдотовъ, относящихся къ 7-му ноября 1824 года, слышанныхъ отъ достовѣрныхъ людей.

«Покойникъ, похороненный за два дня до наводненія на Смоленскомъ кладбищѣ, въ день потопа приплылъ въ гробѣ въ свою квартиру, гдѣ жилъ.

«На чердакѣ дома, плававшего по взморью, найдены два младенца въ люлькѣ, преспокойно спящіе.

«Діаконъ Ал. Андрентъ Голубевъ, чтобы спастись отъ воды, коею былъ захваченъ въ своей квартирѣ, головою сахарной пробилъ потолокъ и прошелъ туда съ женою, гдѣ и дождался убыли водной».

III.

Въ маѣ 1825 г. діаконъ Виноградовъ посвященъ былъ въ санъ священника къ церкви при императорской академіи художествъ.

«Въ 1825 г. ноября 27-го, въ два часа пополудни столица наполнилась горестію и воплемъ, по причинѣ кончины единственного изъ царей Россіи Александра Павловича, послѣдовавшей 19-го сего мѣсяца въ Таганрогѣ, куда отъѣхалъ онъ для подавленія облегченія болящей супругѣ своей государынѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

«28-го дали мы присягу великому князю цесаревичу Константину Павловичу, яко императору. Церемоніалы сіи вездѣ прошли тихо и смирно; но передъ грозою, о которой слѣдующее, яко видѣнное, расскажу:

«Съ 28-го ноября по 14-ое декабря, продолжалась сія сомнительная страшная тишина. 14-го декабря пребудетъ незабвеннымъ для столичныхъ жителей и для Россіи. Отъ утра до ночи темной въ сей день было вотъ что. Мы все ждали на тронъ царя Константина и не помышляли о предстоявшей грозѣ. Утромъ рано прислана изъ консисторіи повѣстка о томъ, чтобы духовные собрались въ свои церкви въ 9-ть часовъ и ждали тутъ распоряженія свѣтскаго начальства (Слава ангелу-хранителю Россіи, что о такомъ распоряженіи не знали мятежники!). Смущаемый какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ, въ 5-ть часовъ сего злополучнаго утра, отправился

я къ нашему президенту ¹⁾), въ надеждѣ узнать отъ него, когда онъ, какъ начальникъ нашего заведенія, будетъ въ церковь. На берегу Невы, близъ Исаакіевскаго моста, настигъ меня унтеръ-офицеръ Финляндскаго полка и подъ рукою разсказалъ мнѣ, что ночью офицеры ихъ были собраны генераломъ Шеншинымъ и что-то шумѣли. Это усугубило мое разстройство. Не видѣвши бѣдъ подобныхъ, но изъ исторіи зная оныя, я боялся и молилъ Промыслителя, да несетъ онъ мимо отечества горести!... Алексѣй Николаевичъ поздравилъ меня съ новымъ государемъ Николаемъ, объявивъ, что цесаревичъ отрекся отъ престола. Послѣ сего, поговоривъ не много, приказалъ мнѣ въ церкви ожидать его. Возвратясь домой, я приводилъ въ исполненіе приказанія сіи, не думая ничего, кромѣ присяги, подобной Константину; но было не такъ: мятежники воспользовались случаемъ. Всѣ служащіе въ академіи, равно какъ и всѣ воспитанники собрались въ церковь въ 9-ть часовъ и ожидали начальника до половины втораго,—его не было: онъ въ числѣ вельможъ остался во дворцѣ, по причинѣ смутности, происшедшей въ войскѣ, какъ послѣ о томъ узнали. Между тѣмъ мы, въ сомнѣніи и нетерпѣливости, пошли на берегъ, въ надеждѣ узнать, что дѣлается на той сторонѣ? Страшный шумъ народа на Петровской площади, у памятника Петрова, раздающійся во всѣ концы столицы, былъ отвѣтомъ нашему печальному любопытству. Переходящіе съ той стороны на нашу, изъяснялись предъ нами разнo: напримѣръ, одинъ говорилъ: «цесаревичъ прибылъ, народъ у Сената кричитъ, чтобы и жена его Конституція была царицей», другой: «Михаилъ Павловичъ поѣхалъ въ Сенатъ; народъ поздравляетъ его съ царствомъ!» Такъ понимала чернь тотъ обширный замыселъ, который затѣвали образованные мятежники! Наконецъ, нѣкоторые изъ нашихъ рѣшились пойти на ту сторону узнать яснѣе и подробнѣе, нежели слушать такое странное и разнородное плетеніе. Но любопытнымъ досталось было: иныхъ потащили въ каре бунтующихъ, а одному почетному чиновнику за ослушаніе попался сильный толчекъ, болѣе бы получилъ, да Рылѣевъ закричалъ: «не тронь,—это артистъ». Шумъ становился сильнѣе; вмѣсто прибытія своего г. Оленинъ прислалъ приказаніе идти по квартирамъ, запереть окна

¹⁾ Начальнику академіи художествъ, Алексѣю Николаевичу Оленину.

и двери. Вслѣдствіе чего, торопясь домой, на улицѣ встрѣтился я съ женою и дьяконицею, при коихъ было по дочери; онѣ шли на церемонію къ Сенату, гдѣ, какъ имъ сказано, народъ поздравлялъ в. кн. Михаила! Вечерѣло и темнѣло уже, какъ дошла до насъ печальная вѣсть, что военный генераль-губернаторъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ смертельно раненъ бунтовщиками, что усовѣщивали безумцевъ митрополиты и возвратились безъ успѣха; говорили также, что въ толпахъ сихъ народовъ командуютъ люди странно одѣтые, что ранили адъютанта Я. Ив. Ростовцева, Фридерихса, Шеншина и проч. и проч. При сихъ новостяхъ овладѣли нами слезы, страхъ и боязнь. Приближавшаяся темнота страшила всѣхъ вѣщимъ несчастьемъ и губительствомъ. Разсыпались картечи, и гдѣ безумцы!! Ихъ не стало, только площадь, только Галерная улица, стѣны Сената... обличали ихъ, укоряли ихъ и оставили вѣчную память о мятежѣ! Несчастные солдаты! можно сказать—они невинны. Мнѣ самому клялись они (нѣкоторые), что ничего не знали, и даже не понимали, куда и на что вели ихъ начальники. У меня во дворѣ было ихъ много; не знаю, какъ они забѣжали, когда началась стрѣльба; я уговорилъ ихъ возвратиться къ своему мѣсту — и добренькіе послушались совѣта. Не забуду, что въ канунъ славной, но горькой смерти графа М. А. Милорадовича, я видѣлъ его въ Казанскомъ соборѣ, на панихидѣ по Александрѣ I-мъ, онъ горько плакалъ. Увы! на другой день и объ немъ сограждане проливали горькія слезы. По разсѣяніи крамольниковъ, ночью загорѣлись костры по Острову, устроились пикеты. Страшенъ былъ день сей, не радостна была и ночь сія!...

«15-го декабря была новая присяга нынѣ (1836 г.) царствующему государю Николаю Павловичу. Сердца успокоились. Въ этотъ день на Петровской площади видѣлъ я sanguinis multa signa и смотрѣлъ какъ щекатурили сенатскую стѣну, испещренную пулями.

«1826 г., марта 6-го, встрѣтили мы тѣло государя Александра въ Чесмѣ и оттуда провождали оное до Казанскаго собора. Отселѣ 13-го числа вынесено оное въ Петропавловскій соборъ, гдѣ и погребено. Сто пушечныхъ выстрѣловъ огласили городъ сею печальною вѣстію въ тотъ день; но біеніе сердца русскаго

ручается, что имя Благословеннаго будетъ долго въ Россіи и другихъ съ оною соединенныхъ странахъ».

16-го марта О. Виноградовъ прекратилъ уроки въ горномъ корпусѣ, а въ іюнѣ опредѣленъ былъ въ Гатчинской придворной церкви, «какъ священникъ ученый, честный, могущій сдѣлать честь мѣсту».

1827 года, іюня 21-го лично объявлена была о. Виноградову отъ митрополита благодарность по поводу присланнаго къ нему отъ государыни имени письма, въ которомъ было сказано: «за опредѣленіе въ Гатчинской предворной церкви достойнаго священника, коимъ Ея В. очень, очень довольна». Владыка восхищенъ былъ; «да,—сказалъ онъ мнѣ,—вѣдь это пишетъ не простая барыня, царица, мать императора». 9-го октября о. Виноградовъ былъ произведенъ въ протоіерейскій санъ.

«1828 г. октября 1-го въ послѣдній разъ служилъ я при лицѣ государыни литургію, съ пѣвчими воспитательнаго дома, подносила ей просфору и слышала драгоцѣнныя слова ея: «покорно благодарю васъ, батюшка! Вы служите очень хорошо. Я не прощаюсь съ вами; скоро увижусь опять, черезъ пять дней буду сюда».

«24-го октября, въ 3 часа по полуночи, переселилась въ вѣчность государыня Марія Теодоровна, благодѣтельница общая, которая много чаянія и надеждъ нашихъ унесла съ собою. Примѣчательно: генералъ Шпенгеръ мнѣ говорилъ, что государыня дѣла милосердія окончила мною, именно подписавъ сто рублей на похороны жены моей (умершей 2-го октября), болѣе уже ничего не писала. А въ канцеляріи узналъ, что и начала она благодѣянія тоже со священника».

«1829 г., января 14-го, имѣлъ я счастье встрѣчать государя Николая Павловича въ придворной церкви и съ нимъ говорить. Это было въ первое его посѣщеніе Гатчины по смерти родительницы. Послѣ сего случая высочайше пожалована намъ крестовая ризница».

«1830 г. Въ семъ году появилась въ Россіи губительная холера. И по сю пору (1836 г.) никто кажется не далъ яснаго понятія о заразѣ сей, хотя мудрая медицина многая множества написала умствованій. Умирали скоро въ страшныхъ мучахъ, сопровождавшихся рвотою, поносомъ и корчами. Итакъ умерло очень много какъ въ столицѣ нашей, такъ и въ иныхъ мѣстахъ отечества...

«Но, къ удивленію и сожалѣнію, въ умахъ чернаго народа родилась ядовитѣйшая зараза: они не видѣли и не хотѣли видѣть въ столь всеобщемъ несчастіи руки Божіей, карающей за грѣхи; напротивъ, они были увѣрены, что смертность сія происходила отъ враговъ, истребляющихъ ихъ сословіе какими-то зельями, въ водѣ и въ пищѣ, ими употребляемыхъ; никто не могъ разубѣрить ихъ въ мнѣніи, будто колодцы наполнялись ядомъ, будто рѣки текуція имѣли заразительные способы отъ враговъ сихъ. Такая страшная мысль, такое умственное омраченіе превратилось скоро въ возмущеніе и люди нѣтъ черни, превратясь въ сумасшедшихъ изверговъ, мученически сгубили многихъ начальниковъ и благотѣльныхъ врачей. Такое приключеніе сотворилось въ поселеніи,—и въ бѣдной столицѣ почти тоже начиналось. Вообще въ холерѣ замѣчена болѣзнь не столько тѣлесная, сколько нравственная. Какъ бы тутъ встали были проповѣди!... Но... всѣ златоусты, говоруны и хвастуны—ораторы духовные и свѣтскіе молчали, будто какъ нѣмота овладѣла ими. Правда, они не привыкли пользоваться такими случаями. Это обстоятельство не столь выгоднымъ для нихъ казалось, какъ написать проповѣдь или стихиши, или иное что на рожденіе... За то большую пользу принесло всеобщее увѣщаніе ¹⁾, отъ синода посланное. Право, три раза прочитавъ сіе прекрасное, (но весьма позднее) сочиненіе, поневолѣ прекратили чтеніе, которое должно было продолжаться около нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Одинъ умный человѣкъ, выходя изъ церкви нашей, слышалъ разговоры трехъ разнаго сорта людей о сей проповѣди, именно вотъ что:—первый говорилъ: «что это протопопъ читалъ? Кажется, проповѣдь,—да не свою, печатную и что-то поминалъ холеру; видно она была не въ шутку, вишь и въ церкви-то читають»; другой: «ловоть близко, да не укусишь; сначала пощупали по военному, потомъ въ церкви начали»; третій: «точно, братъ, въ колодцы выдали ядъ, слышалъ ли ты, какъ и въ проповѣди о томъ говорено?» Какъ бы, прибавлю, полезны были предварительныя слова въ самомъ началѣ эпидеміи. Нѣтъ, у насъ догадки не было! Вспомнишь, то же было и во время потопа: точно какъ всѣ проповѣдники утонули!

«1831 г., іюля 31-го, церемоніально встрѣтили мы тѣло госу-

¹⁾ Оно наслано по утушеніи бунтовъ, и почти послѣ холеры. I. В.

дара цесаревича Константина Павловича, скончавшагося въ Витебскѣ, отъ холеры».

«Въ семъ же году явился въ Гатчину преобразователь старой пеномарской, и послѣ оной бывшей въ употребленіи ландкастерской методы обученія, на методу Жакото. Въ газетахъ было пропечатано, что случай вдохнулъ ему мысль сію: онъ въ ночи прочелъ цѣлую книгу, принадлежавшую какому-то его знакомцу, отправлявшемуся въ путь, и это скороспѣшное прочтеніе явилось гатчинскому удивительное свѣтило. Но... кажется не удалось выдумка. Метода Жакото, по мнѣнію моему, есть то же, какъ еслибы можно было жидкость мірской мудрости всю перелить сѣвомъ воронку, поставленную въ темнѣ учащагося! По ней ребенокъ сначала судить, потомъ читать, а послѣ буквы познаетъ. Сія метода есть варварство учащихся, мука страшная учащимся. Незнаю долго ли будетъ существовать она? Но продолженіе ея не соотвѣтствуетъ громкому и славленному началу: *et finis coronat opus.*»

«Октября 1-го великій государь ¹⁾, узнавъ о побѣдѣ надъ поляками, послѣ уже обѣди, въ радости сказалъ: «мы сегодня въ гостяхъ у русскихъ солдатъ»,—и съ симъ велѣлъ подать то, что пьютъ воины, и самъ воѣхъ, даже дамъ, подчивалъ онымъ.

«1833 г., 22 іюля, погода была довольно сырая и студеная въ ночи, не смотря на то, государь не ночевалъ во дворцѣ, а въ своей лагерной палатѣ, недалеко отъ конюшенъ кирасирскихъ, на углу площади, по которой 60 тысячъ войска бивуаками расположено было. Утромъ вышелъ въ сюртугѣ, и перекрестясь, привѣтствовалъ воиновъ поклономъ, безъ фуражки, сказавши: «холодненько, ребята!» «Нѣтъ, В. И. В., рады стараться»,—раздалось въ отвѣтъ.

«Въ 1835 году, послѣ присутствія на маневрахъ въ Гатчинѣ, 7-го іюля, государь инкогнито сдѣлалъ доминъ деревенскій гдѣ-то у Петергофа, самъ перерядился въ бѣднаго отставнаго старика воина, одѣвъ въ рубища своихъ сыновей и дочь, и принималъ тутъ царицу-супругу, которая совсѣмъ не узнала его!»

Въ концѣ этого года протоіерей Виноградовъ отправился на родину, въ Старую Ладугу.

¹⁾ Въ это время государь былъ въ Гатчинѣ.

Повидавшись съ нѣкоторыми родными и знакомыми, онъ со своими спутниками отправился обратно. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ноной Ладоги, въ селеніи Дубнѣ, они остановились у родственниковъ. Въ этомъ селеніи посѣтили они домикъ съ надписью: «здѣсь безсмертной славы знакъ». Дѣйствительно, въ немъ хранятся вещи достопамятныя: 1) ботинокъ со всею оснасткою, на которомъ Петръ Великій по прокопанному началу канала изволилъ кататься и 2) двѣ лопатки, простыя желѣзныя, съ деревянными палками, одна—его же государя Петра Алексѣевича, другая—цесаревны Анны Петровны. Сими инструментами особы сіи, показывая примѣръ подданнымъ, начали, какъ говорится, своеручно рыть Ладожскій каналъ. Домикъ, хранилище сихъ вещей, довольно хорошо отдѣланъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Затѣмъ въ Орѣшкѣ (Шлисельбургѣ), разсказываетъ автобіографъ. ходили мы въ соборъ, гдѣ видѣли рѣдкости: св. евангеліе и крестъ. Первое напечатано и обложено при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ, и оба подарены церкви сей великимъ завоевателемъ Ключа города (Schlüsselburg). Недоѣзжая до Аннинскаго, одно мѣсто замѣтили мы: нѣсколько сосенъ, обнесенныхъ чистенькою оградой, мѣсто нарицаемое «красная сосна». Говорятъ, что побѣдитель шведовъ, Петръ I, здѣсь сидѣлъ въ ожиданіи извѣстія о рѣшительной сдачѣ Орѣшка».

Воспоминанія свои протоіерей Іоаннъ Виноградовъ заканчиваетъ разными религіозно-нравственными размышленіями по поводу своей жизни.

Сообщ. въ 1874 г. М. И. Платонова.

(Рожд. Виноградова).
